

Научная статья

Научная специальность

5.1.3 «Частноправовые (цивилистические) науки»

УДК 347.122

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2024.3.40>

ЦИФРОВЫЕ ВАЛЮТЫ В СИСТЕМЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕГ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ (ЧАСТЬ 2)

© Пархоменко С. В.¹, Михайлов И. Н.², 2024

¹ Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации,
г. Иркутск, Россия

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Москва, Россия

Изучена правовая природа отношений, возникающих при обладании цифровыми валютами и криптовалютой как ее разновидностью, а также место различных цифровых валют в системе объектов гражданских прав в российском и зарубежном законодательстве. В рамках юридической науки исследована научная дискуссия относительно подходов к правовому регулированию оборота цифровых валют, развернутая по следующим трем основным направлениям: гражданско-правовому, финансово-правовому и уголовно-правовому. С учетом теоретических и практических аспектов складывающегося правового регулирования цифровых валют, а также экономических и технических особенностей данного института и его подвидов сформированы соответствующие понятие и классификация. По итогам исследования сделаны выводы о том, что за период с 2014 г. по настоящее время российский законодатель менял направление своей политики в части легализации правового статуса цифровых валют от запретительного характера к нейтральному, при этом до настоящего времени никаких системных решений либо рамочных нормативных правовых актов так и не было принято, вследствие чего цифровые валюты так и продолжают находиться в «серой зоне», порождая тем самым правовую неопределенность в сфере правоприменения. Отмечается, что в связи с внедрением цифрового рубля как цифровой валюты Центрального банка России по аналогии с зарубежными юрисдикциями будет проработан вопрос о формировании в России базового цивилистического законодательства, которое позволит создать нормативную основу для рассматриваемых институтов, а также выработать единый подход в части правовой оценки и толкования возникающих в указанной сфере правоотношений.

Ключевые слова: цифровая валюта, криптовалюта, цифровые валюты центральных банков, электронные деньги, частные деньги, объект гражданских прав, безналичные денежные средства, наличные денежные средства.

DIGITAL CURRENCIES IN THE ELECTRONIC MONEY SYSTEM: LEGAL ASPECTS (PART 2)

© Parkhomenko S. V.¹, Mikhailov I. N.², 2024

¹ Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Irkutsk, Russian Federation

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

The article examines the legal nature of the relations that arise when owning digital currencies and cryptocurrency as its variety is studied, as well as the place of various digital currencies in the system of objects of civil rights in Russian and foreign legislation. Within the framework of legal science, a scientific discussion regarding approaches to the legal regulation of the circulation of digital currencies has been explored, developed in the following three main areas: civil law, financial law and criminal law. Taking into account the theoretical and practical aspects of the emerging legal regulation of digital currencies, as well as taking into account the economic and technical features of this institution and its subtypes, the corresponding concept and classification have been formed. Based on the results of the study, conclusions were drawn that during the period from 2014 to the present, the Russian regulator changed the direction of its policy in terms of legalizing the legal status of digital currencies from a prohibitive nature to a neutral one, while to date there have been no systemic decisions or framework regulations such as and was not accepted, as a result of which digital currencies continue to be in the “gray zone,” thereby generating legal uncertainty in the field of enforcement. It is concluded that due to the implementation digital ruble as the digital currency of the Central Bank of Russia, by analogy with foreign jurisdictions, the issue of forming basic civil legislation in Russia will be worked out, which will create a regulatory framework for the institutions under consideration, as well as develop a unified approach in terms of legal assessment and interpretation of legal relations arising in this area.

Keywords: digital currency, cryptocurrency, digital currencies of central banks, electronic money, private money, object of civil rights, non-cash funds, cash.

В соответствии с дихотомическим законом формальной логики можно утверждать, что существование цифровой формы нефинансовых валют предполагает наличие взаимоисключающего элемента, которым выступает *цифровая форма фиатных валют*.

В первой части данной статьи констатирован факт того, что фиатные валюты выполняют все функции денег, в том числе законного средства платежа, и эмитируются исключительно государством в установленном законом порядке.

В этой связи цифровой формой фиатных валют являются *цифровые валюты центральных банков* (англ. Central bank digital currency) (далее – ЦВЦБ).

Как в зарубежной, так и в отечественной юридической науке отсутствует какой-либо единый подход к определению указанного термина, поскольку данная тематика в настоящее время малоисследована.

Так, Morten Bech и Rodney Garratt считают, что ЦВЦБ – это электронные (цифровые) обязательства (по типу классических фиатных валют) центрального банка государства, которые можно использовать при совершении P2P-платежей (платежей, совершаемых в одноранговой системе между равными субъектами, наиболее частый пример – между физическими лицами).

Кроме этого, авторами отмечается, что ЦВЦБ в своей технологической основе также содержат блокчейн.

Данной точки зрения придерживаются представители Центрального банка Англии, а именно, что ЦВЦБ – это обязательство центрального банка, номинированное в национальной валюте, имеющее цифровое представление и способное выступать в качестве средства платежа, меры и сохранения стоимости [13].

Рассмотрим наиболее распространенные толкования исследуемого понятия в отечественной юриспруденции.

А. А. Ситник, исследуя правовые аспекты ЦВЦБ, определяет суть данного вида цифровых валют через противопоставление криптовалютам, полагая, что центральные регуляторы государств развивают данный финансовый инструмент исключительно в рамках борьбы с криптовалютами в силу их «природной» децентрализации и, как следствие, неподконтрольности [10].

На наш взгляд, такой подход является не совсем объективным, поскольку автором учитываются исключительно вопросы безопасности, в то время как ЦВЦБ, помимо контрольно-над-

зорных аспектов, затрагивает еще и фундаментальные основы функционирования банковских систем (в части уровней взаимодействия субъектов банковской системы), особенности осуществления платежей с использованием ЦВЦБ, подходы к финансовому мониторингу, эмиссии и обращения данного вида валюты.

С точки зрения С. А. Андриюшина, ЦВЦБ – это новая форма денежных средств государства в виде электронного обязательства центрального банка данного государства, выраженного в национальной денежной единице и выступающего законным средством платежа, меры счета (для регулирования обмена ценностей) и сохранения (сбережения) стоимости [1].

Указанный подход представляет интерес в той части, что ЦВЦБ – это не качественно новый вид национальной валюты, а именно цифровая форма существующей фиатной валюты.

Таким образом, на основании вышеприведенных точек зрения можно сделать вывод, что ЦВЦБ – это цифровая форма фиатной валюты, являющаяся обязательством центрального банка государства перед ее держателями, эмитируемая данным центральным банком и выступающая законным средством платежа, меры счета и сохранения стоимости.

Именно цифровой валютой центрального банка и выступает создаваемый Банком России цифровой рубль.

Существует значительное количество классификаций ЦВЦБ в зависимости от технического, экономического и правового подходов, однако в рамках настоящего исследования предлагается рассмотреть только те классификации, которые непосредственно имеют значение с финансово-правовой точки зрения.

Так, в зависимости от функционального значения и структуры выделяют *оптовые* и *розничные ЦВЦБ*.

Оптовые ЦВЦБ выступают в качестве платежной системы, регулируемой центральным банком. Данный вид ЦВЦБ доступен только «профессиональным» субъектам финансового рынка, например банкам и иным кредитным организациям. Ныне существующий аналог таких цифровых валют – это денежные средства коммерческих банков, размещенные на корреспондентских счетах и депозитных счетах в центральном банке [1].

В свою очередь, розничные ЦВЦБ – это альтернатива наличной валюте и банковским депозитам, доступная широкому кругу поль-

зователей как среди физических, так и среди юридических лиц.

Данная классификация представляет собой интерес в плане субъектного состава, а также прав и обязанностей субъектов, возникающих при совершении финансовых операций с ЦВЦБ.

Далее, в зависимости от монетарного агрегата, формирующего динамику денежной базы и денежной массы, выделяются следующие виды [12, р. 44]:

- традиционные наличные замещены на цифровые (ЦВЦБb);
- традиционные депозиты преобразованы в цифровые (ЦВЦБd).

В указанном делении с точки зрения правового регулирования возникает вопрос о том, каким образом денежные средства, размещенные коммерческими банками на корреспондентских и депозитных счетах в центральном банке, будут преобразовываться в цифровые, а также каким образом будет решаться вопрос об обязательствах по праву требования.

В зависимости от вида доступа или степени анонимности использования [12, р. 44]:

- посредством токенов («заменитель» ценных бумаг в цифровом пространстве, отражает цифровой баланс, либо аналог банкноты);
- посредством создания счета или учетной записи.

Предоставление доступа на основе цифровых токенов (валютных, утилитарных обеспеченных активами ценных бумаг и участия в капитале эмитента) обеспечивает пользователям ЦВЦБ анонимность совершаемых транзакций.

В этом случае оборот такого токена должен производиться также в самостоятельной децентрализованной цифровой платформе на основе блокчейна (используется для реализации технических особенностей цифровых валют), однако не должно быть прямой связи с центральным реестром, который ведет центральный банк государства. Иными словами, возникает аналогичная с наличными банкнотами ситуация, когда каждая банкнота хоть и выпускается центральным банком, имеет свой серийный номер, однако дальнейшая «судьба» банкноты (или токена) после введения ее в оборот через кредитно-финансовую систему неизвестна.

Однако если такого рода токены будут эмитироваться на централизованной цифровой платформе, администратором которой выступает центральный банк, то анонимность отсут-

ствует. Связано это с тем, что процесс эмиссии, продажи, обращения и обратного выкупа будет проходить через данную централизованную площадку и, соответственно, фактически центральный банк будет осуществлять взаимодействие с операторами информационных систем, пользователями, пунктами обмена, POS-терминалами и т. д.

Далее, в случае создания счета или учетной записи, фактически возникает ситуация, схожая с заключением договора с кредитной организацией на открытие банковского счета или электронного кошелька.

Соответственно, к данным правоотношениям будут применяться требования «Знай своего клиента» (Know Your Customer, KYC), представляющие собой перечень информации, позволяющий в той или иной степени идентифицировать лицо, в чьем пользовании находится данная учетная запись / счет.

Кроме этого, на указанные правоотношения также распространятся правила «Противодействие отмыванию денег» (Anti-Money Laundering, AML), разработанные FATF и имплементированные в российское законодательство в виде положений действующего Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»¹.

Прежде чем дать понятие *безналичных денежных средств*, необходимо определить общее понятие «деньги». Традиционно в экономической литературе указывается, что *деньги* – «это особый вид универсального товара, используемого в качестве всеобщего эквивалента, посредством которого выражается стоимость всех других товаров и который выполняет функции средства обмена, платежа, измерения стоимости, накопления богатства» [8, с. 72]. Деньги создают надлежащие условия для интенсивного гражданского оборота, предоставляют возможность его субъектам, т. е. физическим и юридическим лицам, вступать в правоотношения друг с другом, заключать и исполнять договоры и иные сделки, обеспечивают движение финансовых активов как в рамках государства, так и на международном уровне, их аккумуляцию и распоряжение ими [6, с. 12].

¹ О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : федер. закон от 7 авг. 2001 г. № 115-ФЗ : [в ред. от 16 апр. 2022 г.] // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

Кроме того, в цивилистике используется термин *денежные средства*, под которыми понимаются аккумулированные в наличной и безналичной формах деньги государства, предприятий, населения и другие средства, легко обращаемые в деньги [8, с. 73]. Таким образом, данный термин обозначает объем денежной массы, находящейся в распоряжении определенного экономического субъекта. Как следует из приведенной дефиниции, в понятие денежных средств включаются не только деньги, но и другие средства, например легко реализуемые ценные бумаги. Очевидно, что с точки зрения экономики такие средства – это тоже ликвидный актив, участвующий в гражданском обороте, поэтому он приравнивается к деньгам [6, с. 3]. Синонимичность этих понятий отмечает и Е. В. Богданов, который пишет, что «законодатель использует различные термины в отношении денег: денежные средства, денежные суммы, но участники гражданского оборота понимают, что речь идет о деньгах, размер которых оценивается всегда в рублях» [2, с. 59].

Согласно Гражданскому кодексу РФ (далее – ГК РФ) современные денежные средства могут выступать в двух формах: наличной и безналичной.

В соответствии со ст. 128 ГК РФ, действующей с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 1 августа 2023 г., к объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

Таким образом, с позиции гражданского права наличные деньги относятся к категории вещей (поскольку обладают физическими свойствами), а безналичные деньги, в том числе цифровые валюты центральных банков, – к имущественным правам, т. е. к категории «иное имущество».

В соответствии с п. 1 указания Банка России от 26 декабря 2006 г. № 1778-У «О признаках платежеспособности и правилах обмена банкнот и монеты Банка России» в рамках российской правовой системы и юрисдикции России как государства законно признанным инструмен-

том *наличных* расчетов выступают банкноты и монета Банка России. Именно они и являются наличными денежными средствами¹.

Исключительным правом эмиссии денег в Российской Федерации наделен Банк России. В соответствии с п. 2 ст. 4 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» Банк России монополично осуществляет эмиссию наличных денег и организует наличное денежное обращение².

В числе достоинств наличных денежных средств выделяют возможность расплатиться в любой ситуации, в том числе при отсутствии платежного терминала и доступных электронных средств связи, а также простоту платежей и их анонимность. К недостаткам наличных расчетов обычно относят необходимость принимать меры по обеспечению их сохранности и неудобство транспортировки больших сумм денег, а также невозможность обеспечения прозрачности расчетов.

В этой связи для минимизации указанных рисков в п. 2 ст. 861 ГК РФ по общему правилу определено, что «расчеты между юридическими лицами, а также расчеты с участием граждан, связанные с осуществлением ими предпринимательской деятельности, производятся в безналичном порядке»³.

В свою очередь, в соответствии с п. 4 указания Банка России от 9 декабря 2019 г. № 5348-У «размер наличных расчетов в рамках одного договора не должен превышать 100 тысяч рублей либо сумму в иностранной валюте, эквивалентную 100 тысячам рублей по официальному курсу иностранной валюты по отношению к рублю, установленному Банком России»⁴. Размер наличных расчетов между обычными гражданами законодательством не ограничен.

Согласно п. 1 ст. 140 ГК РФ платежи на территории нашего государства осуществляются путем *наличных* и *безналичных* расчетов. Исходя из п. 3 ст. 861 ГК РФ безналичные расчеты осуществляются путем перевода денежных

¹ См.: О признаках платежеспособности и правилах обмена банкнот и монеты Банка России : указание Банка России от 26 дек. 2006 г. № 1778-У (ред. от 22.08.2014) // Вестник Банка России. 2007. 31 янв. С. 17–20.

² См.: О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) : федер. закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Рос. газ. 2002. 13 июля. С. 3–4.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ (с изм. и доп.) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

⁴ См.: О правилах наличных расчетов : указание Банка России от 9 дек. 2019 г. № 5348-У (ред. от 31.03.2022) // Вестник Банка России. 2020. № 29. С. 12–14.

средств банками и иными кредитными организациями (далее – банки) с открытием или без открытия банковских счетов (но в любом случае с использованием банковского счета) в порядке, установленном законом и принимаемыми в соответствии с ним банковскими правилами и договором.

В экономической литературе подчеркивается, что безналичные деньги – это «денежные средства на банковских счетах, используемые для оплаты, взаимных расчетов посредством перечислений с одного счета на другой» [8, с. 46].

В соответствии со ст. 82.3 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» данный Банк устанавливает правила, формы и стандарты безналичных расчетов (первый участник). Вторым участником безналичного денежного обращения являются коммерческие банки. Таким образом, безналичную денежную массу создают и Банк России, и коммерческие банки. Прав А. Н. Смоляков, подчеркивающий, что безналичные денежные средства могут создаваться коммерческим банком, например, при выдаче одной организации кредита за счет средств, размещенных на депозите другой организацией. В этом случае обе организации располагают указанными денежными средствами, тем самым происходит увеличение денежной массы. Очевидно, что такая эмиссия носит вторичный характер по отношению к эмиссионной деятельности Банка России, поэтому безналичные денежные средства в целом следует считать эмитируемыми государством, что является их общим признаком с наличными деньгами [11, с. 7].

В данном контексте стоит отметить, что с правовой точки зрения между кредитными организациями и владельцем денежных средств возникают отношения обязательственного, а не вещного характера, поскольку в данном случае у владельца непосредственно физически самих денег нет, а есть лишь только право требования к кредитной организации на осуществление того или иного действия в отношении данных денежных средств.

Подвидом безналичных денежных средств выступают так называемые *электронные денежные средства*.

Так, в соответствии с п. 18 ст. 3 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» электронные денежные средства – денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства)

другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета (обязанному лицу), для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа¹.

На сегодняшний день таковыми являются денежные средства на различных электронных кошельках, в частности Qiwi (эмитент – АО «КИВИ Банк»), «Яндекс.Деньги» (эмитент – ООО НКО «Юмани»), PayPal (эмитент – ООО НКО «ПЭЙПАЛ РУ»), WebMoney (эмитент – WM Transfer LTD.) и др.

Вопрос о правовой природе электронных денежных средств является дискуссионным, в правоприменительной практике указанным термином часто обозначают криптовалюту либо выделяют в отдельную категорию денежных средств наряду с наличными и безналичными, что является некорректным с точки зрения базового цивилистического законодательства.

По нашему мнению, причина данной неопределенности заключается в том, что термин «электронные деньги» отчасти содержит в себе некую маркетинговую составляющую.

Так, с финансовой точки зрения операции по вышеперечисленным электронным кошелькам проводятся без открытия счета. Преимущество операций без открытия счета заключается в их сравнительно упрощенной процедуре проведения, а также более широких возможностях интеграции с различными онлайн- и мобильными сервисами. В данном случае для проведения операций зачастую не требуется посещать кредитную организацию для открытия расчетного счета и получения банковской карты. Все процедуры происходят удаленно посредством использования мобильного банкинга.

Кроме этого, этот тип операций может быть привлекателен с точки зрения сохранения анонимности, поскольку по операциям без открытия счета в зависимости от размера суммы оборота денежных средств устанавливаются степени идентификации клиента (как правило, их три: неидентифицированный, упрощенно идентифицированный и полностью идентифицированный).

Стоит отметить, что с бухгалтерской точки зрения при проведении транзакций без от-

¹ О национальной платежной системе : федер. закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Рос. газ. 2011. 30 июня. С. 4–7.

крытия счета не используется традиционная структура счетов: расчетный – внутренний корреспондентский счет/субсчет (количество внутренних корреспондентских счетов и субсчетов зависит от структуры кредитной организации) – внешний корреспондентский счет кредитной организации, а учет операций по всем электронным кошелькам (либо значительной по размеру группы таких кошельков) происходит на одном лицевом счете, с которого в последующем денежные средства идут на внешний корреспондентский счет кредитной организации.

Таким образом, появление электронных денежных средств было опосредовано развитием мобильной коммерции и онлайн-торговли, однако с правовой точки зрения электронные денежные средства являются теми же безналичными денежными средствами, поскольку между клиентом и кредитной организацией возникают абсолютно аналогичные обязательственные отношения.

На первый взгляд может показаться, что общая экономическая сущность цифровых валют в целом и цифрового рубля в частности опосредует аналогичный подход в осуществлении правового регулирования данных категорий.

Кроме этого, имеются основания полагать, что на цифровой рубль, выступающий третьей формой денежных средств в Российской Федерации наряду с наличными и безналичными денежными средствами, распространяются абсолютно те же требования действующего гражданского и финансового законодательства.

На наш взгляд, данная оценка является не объективной, поскольку она не учитывает целый спектр возникающих новых правоотношений при использовании цифрового рубля в качестве средства платежа.

В связи с этим далее предлагается рассмотреть характерные особенности правового регулирования цифровых валют и цифрового рубля в законодательстве Российской Федерации.

Понятие «цифровые валюты» впервые стало использоваться законодателем при внесении изменений в ст. 128 ГК РФ¹ в части указания в перечне объектов гражданских прав новой их разновидности – цифровых прав, положение о которых вступило в силу с 1 октября 2019 г.²

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : федер. закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ // Консультант Плюс : справочная правовая система.

Как указано в пояснительной записке к Федеральному закону от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – ФЗ № 34-ФЗ), целью данных изменений является закрепление в гражданском законодательстве нескольких базовых положений, отталкиваясь от которых российский законодатель мог бы осуществлять регулирование рынка существующих в информационно-телекоммуникационной сети новых объектов экономических отношений (в обиходе – «токены», «криптовалюта», «цифровая валюта» и пр.), обеспечивать условия для совершения и исполнения сделок в цифровой среде, в том числе сделок, позволяющих предоставлять массивы сведений (информацию)³.

Так, в соответствии со ст. 141.1 ГК РФ, цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу⁴.

Далее законодатель устанавливает непосредственно правовое поле, в котором будут осуществляться цифровые права. В этой связи наиболее важными представляются Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ «О привлечении инвестиций»), вступивший в силу 1 января 2020 г.

Обратимся к названному выше ФЗ «О привлечении инвестиций», в котором раскрывается перечень цифровых прав, подлежащих регулированию.

Так, согласно ст. 8, в инвестиционной платформе, отвечающей предусмотренным законом признакам, могут приобретаться, отчуждаться и осуществляться следующие цифровые права (утилитарные цифровые права): 1) право требовать передачи вещи (вещей); 2) право требовать

³ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Консультант Плюс : справочная правовая система.

⁴ Часть первая ГК РФ.

передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности; 3) право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг¹.

Как видно, понятия цифровых прав и цифровых валют не совпадают, на основании чего следует сделать вывод о том, что законодатель в ключе ст. 128 и 141.1 ГК РФ к цифровым правам относит исключительно право требования.

В связи с тем, что кредитно-расчетные отношения носят исключительно обязательственный характер, а право требования является одним из элементов, составляющих содержание любого обязательственного правоотношения, по нашему мнению, необходимо более подробно изучить данный правовой институт.

Под самим обязательством в теории гражданского права понимается относительное правоотношение, опосредующее товарное перемещение материальных благ, в котором одно лицо (должник) по требованию другого лица (кредитора) обязано совершить действия по предоставлению ему определенных материальных благ [5].

В настоящее время право требования в цивилистике рассматривается с двух точек зрения. С одной стороны, это связь кредитора и должника, в силу которой первый вправе требовать от второго совершения каких-либо действий или воздержания от них. С другой стороны, это принадлежащая кредитору имущественная ценность, которой он по общему правилу вправе свободно распоряжаться, в том числе и посредством отчуждения на основании различных сделок [9, с. 452].

Право требования всегда существует в отношении какого-либо объекта, который, исходя из обязательственного правоотношения (в его рамках существует указанное право), должен передаваться от должника к кредитору в соответствии с этим правом требования, принадлежащим кредитору [9, с. 452].

Теперь обратимся непосредственно к понятию «цифровая валюта».

Впервые в российском законодательстве данный термин был использован в Федеральном законе «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Фе-

дерации» от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (далее – ФЗ № 259-ФЗ).

Так, согласно ч. 1 ст. 1 ФЗ № 259-ФЗ, данным нормативным правовым актом регулируются отношения, возникающие при выпуске, учете и обращении цифровых финансовых активов, особенности деятельности оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов, а также отношения, возникающие при обороте *цифровой валюты* в Российской Федерации².

В соответствии с ч. 3 ст. 1 ФЗ № 259-ФЗ *цифровой валютой* признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам³.

Обращаем внимание, что законодатель отдельно подчеркивает, что цифровая валюта не является денежной единицей как Российской Федерации, так и иностранных государств, т. е. не выполняет функции законного средства платежа.

Помимо этого, согласно данному определению, в отношении совокупности электронных данных, являющихся содержанием таких цифровых валют, отсутствует лицо, обязанное перед каждым держателем этих электронных данных, т. е. фактически у держателей отсутствует вышеуказанное право требования в случае возникновения какой-либо спорной ситуации между держателями и эмитентом такой валюты.

Таким образом, вышеприведенное законодательное определение цифровой валюты фактически смешивается с понятием криптовалюты.

¹ О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 2 авг. 2019 г. № 259-ФЗ // Консультант Плюс : справочная правовая система.

² О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // Консультант Плюс : справочная правовая система.

³ Там же.

Данный подход, по нашему мнению, является некорректным. Термин «цифровая валюта» является родовым понятием по отношению к терминам «криптовалюта» и «цифровая валюта центральных банков». Законодатель же, в свою очередь, допускает нарушение правил формальной логики при формировании определений правовых терминов, тем самым значительно и необоснованно сужая значение термина «цифровая валюта».

Кроме этого, законодатель в данном определении разделяет цифровые права и цифровые валюты, тем самым противореча самому себе. В ранее представленной пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» при введении в ГК РФ нового объекта гражданских, а именно цифровых прав, данной категорией предполагалось охватить отношения, связанные с оборотом цифровых валют.

Далее, в ст. 19 ФЗ № 259-ФЗ устанавливается, что для целей Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹ цифровая валюта будет признаваться имуществом.

Схожее регулирование установлено для Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»², Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»³, Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»⁴.

Подход к такой регламентации представляется также противоречащим положениям ГК РФ об объектах гражданских прав, поскольку, на наш взгляд, криптовалюты (в контексте действующего российского законодательства – «цифровые валюты») не относятся к имуществу в рамках текущего гражданского законодательства.

Это подтверждается следующими фактами.

¹ О несостоятельности (банкротстве) : федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ : [в ред. от 8 авг. 2024 г.] // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

² О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : федер. закон от 7 авг. 2001 г. № 115-ФЗ : [в ред. от 16 апр. 2022 г.] // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

³ Об исполнительном производстве : федер. закон от 2 окт. 2007 г. № 127-ФЗ : [в ред. от 29 мая 2024 г.] // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

⁴ О противодействии коррупции : федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 127-ФЗ : [в ред. от 19 дек. 2023 г.] // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

Так, прежде всего, нарушена иерархия взаимодействия источников права в российской правовой системе, а именно: в самом ГК РФ понятие цифровой валюты отсутствует, однако внедряется в иные федеральные законы. В соответствии с абз. 2 п. 2. ст. 3 ГК РФ нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать ГК РФ. Как видно, в данном случае указанное нормативное предписание проигнорировано.

Согласно ст. 128 ГК РФ к объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

В силу специфики технической и экономической природы криптовалюты (в контексте действующего российского законодательства – «цифровые валюты») с уверенностью можно сказать о том, что она не относится к вещам, так как не имеет материальной формы выражения. К нематериальным благам традиционно наука гражданского права относит такие личные нематериальные блага, как жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, семейная тайна и т. п., поэтому криптовалюта (в контексте действующего российского законодательства – «цифровые валюты») не может быть отнесена и к этой группе, так как неотъемлемой частью личности, репутации она не является.

Затем следует такой объект гражданских прав, как иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права). Особенность данной категории заключается в том, что они также входят в имущество, как и вещи, но, в отличие от вещей, не имеют физической формы [7, с. 321].

Применение в этом случае виндикационного иска при защите вещных прав на практике весьма затруднительно, поскольку невозможно принудительно отчуждать криптовалюту (в контексте действующего российского законодательства – «цифровую валюту») со счета правонарушителя без его воли, так как ключ доступа к криптокошельку имеется только у его владельца. На основании этого можно прийти к выводу о том, что отношения, связанные с использо-

ванием криптовалюты, в гражданском обороте носят не вещно-правовой характер.

Кроме этого, в отечественной науке гражданского права высказываются точки зрения, согласно которым криптовалюту (в контексте действующего российского законодательства – «цифровую валюту») стоит отнести к безналичным денежным средствам, а именно к электронным денежным средствам либо к бездокументарным ценным бумагам [5].

Как известно, вышеприведенные объекты по своей природе являются обязательственными правами, так как в основе содержат право требования к конкретному субъекту – банку – о совершении различных финансовых операций.

Действительно, криптовалюта (в контексте действующего российского законодательства – «цифровая валюта») весьма близка по своим функциям к электронным денежным средствам, поскольку, исходя из формального толкования п. 18 ст. 3 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (далее – ФЗ «О национальной платежной системе»), можно выделить следующие основные признаки последних: 1) учет информации о размере средств; 2) обязательное использование электронного средства платежа (средства, позволяющего дистанционно передавать распоряжения оператору об изменении записей в базе данных)¹.

Однако криптовалюта (в контексте действующего российского законодательства – «цифровая валюта») не соответствует более существенным признакам, указанным в законе. Так, ее принципиальным отличием от электронных денег является то, что для появления данной валюты у субъекта отсутствует необходимость предварительно предоставить фиатные денежные средства оператору в лице какой-либо финансовой организации. Далее, как ранее было отмечено, безналичные деньги в целом (и электронные деньги как их разновидность) по своей правовой природе являются обязательственным правом (требованием), каковых, как правило, не содержит криптовалюта (в контексте действующего российского законодательства – «цифровая валюта»). Наконец, указанная валюта может быть использована не только для исполнения обязательств перед третьими лицами, но и выступать в качестве товара, свободно обмениваемого на специальных площадках

(биржах, торгующих криптовалютой) на любой другой товар (валюту) [4].

Бездокументарной ценной бумагой криптовалюта также не является, так как в контексте ст. 2 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» под таковой понимается форма эмиссионных ценных бумаг, при которой владелец устанавливается на основании записи в реестре владельцев ценных бумаг или, в случае депонирования ценных бумаг, на основании записи по счету депо, а также, согласно ст. 149 ГК РФ, отсутствует требуемое конкретно определенное ответственное лицо, выпустившее их; кроме того, исключена возможность вести соответствующий централизованный реестр, так как ключевыми свойствами криптовалютной системы являются децентрализованность и анонимность [3].

Имеющиеся на сегодняшний день особенности правового регулирования приводят к смешению ряда понятий, которыми оперирует законодатель, что порождает правовые коллизии.

Так, определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 2 февраля 2021 г. № 44-КГ20-17-К7, 2-2886/2019 установлено следующее: со счета третьего лица неустановленными лицами произведено несанкционированное списание денежных средств, впоследствии перечисленных на банковскую карту ответчика по сделкам купли-продажи криптовалюты. Спорная сумма в судебном порядке взыскана с истца, клиентом которого третье лицо являлось².

Дело было направлено на новое апелляционное рассмотрение, поскольку судом не была дана оценка наличию у ответчика правовых оснований для получения спорной суммы, а также не было указано, в силу какой правовой нормы перевод денежных средств на счет ответчика в качестве платы за криптовалюту является приобретением имущества без установленных оснований³.

В свою очередь, в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации (2018, № 2) указано следующее: прокурор, действующий в защиту интересов неопределенного круга лиц, обратился в суд с заявлением о признании информации, размещенной на одном из сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, информацией, распространение

¹ О национальной платежной системе : федер. закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

² URL: https://www.vsrfl.ru/stor_pdf.php?id=1969738 (дата обращения: 09.06.2024).

³ URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/practice/26987/> (дата обращения: 09.06.2024).

которой на территории Российской Федерации запрещено. В обоснование требований указано, что в ходе проведенной проверки исполнения положений законодательства Российской Федерации в сфере противодействия распространению в телекоммуникационной сети Интернет информации, содержащей сведения, распространение которых на территории Российской Федерации запрещено, установлено, что на одном из сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет размещены сведения о криптовалюте, представляющей собой виртуальное средство платежа и накопления. Указанная криптовалюта не обеспечена реальной стоимостью и не содержит информации о ее держателях. Процесс выпуска и обращения названной валюты полностью децентрализован, отсутствует возможность его регулирования, в том числе со стороны государства, что противоречит Федеральному закону от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации» и Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, требования прокурора удовлетворены¹.

Как видно, судебная практика неединообразна. Суды первой инстанции, на долю которых приходится основная масса правоприменительной практики, по-разному оценивают обстоятельства по существу дела. В апелляционной инстанции также отсутствует системность в принятии решений.

Таким образом, в настоящее время в российском законодательстве положения о цифровых валютах остаются непроработанными, происходит, во-первых, смешение целого ряда понятий и, во-вторых, нарушение принципов функционирования правовых норм в системе источников права. Подобный подход порождает неопределенность как в научных кругах, так и в судебной практике, создавая тем самым правовые коллизии и усложняя процесс доказывания по гражданским, административным и уголовным делам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андришин С. А. Цифровая валюта центрального банка как третья форма денег государства // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15. С. 54–76.

2. Богданов Е. В. Правовая природа безналичных денежных средств // Юрист. 2018. № 1. С. 57–65.

3. Вайпан В. А. Правовое регулирование цифровой экономики // Предпринимательское право. 2018. № 1. С. 12–17.

4. Гаврилов В. Н. Криптовалюта как объект гражданских прав в законодательстве России и зарубежных стран // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 1. С. 51–59.

5. Гришаев С. П. Эволюция законодательства об объектах гражданских прав // Консультант Плюс : справочная правовая система.

6. Катасонов В. Ю. Деньги : учеб. пособие. М. : МГИМО, 2010. 226 с.

7. Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. 542 с.

8. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2021. 512 с.

9. Сергеев А. П. Гражданское право : учебник. М. : Проспект, 2006. 736 с.

10. Ситник А. А. Цифровые валюты центральных банков // Вестник МГУЮ. 2020. № 9. С. 180–186.

11. Смоляков А. Н. Хищение безналичных, электронных денежных средств и цифровой валюты: вопросы юридической техники и дифференциации ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2022. 21 с.

12. Auer R., Cornelli G., Frost J. Rise of the central bank digital currencies: drivers, approaches and technologies. BIS Working Papers, 2020. P. 44.

13. Broadening narrow money: monetary policy with a central bank digital currency / J. Meaning, B. Dyson, J. Barker, E. Clayton // Bank of England – Working Paper. 2018. N 724.

REFERENCES

1. Andriushin S.A. Cifrovaja valjuta centralnogo banka kak tretja forma deneg gosudarstva [The central bank's Digital Currency as the Third Form of Government Money]. *Aktualnye problemy jekonomiki i prava* [Actual problems of economics and law], 2021, vol. 15, pp. 54-76. (in Russian)

2. Bogdanov E.V. *Pravovaja priroda beznalichnykh denezhnykh sredstv* [The legal nature of non-cash funds]. *Jurist* [Lawyer], 2018, no. 1, pp. 57-65. (in Russian)

3. Vajpan V.A. *Pravovoe regulirovanie cifrovoj jekonomiki* [Legal regulation of the digital economy]. *Predprinimatel'skoe pravo* [Business law], 2018, no. 1, pp. 12-17. (in Russian)

4. Gavrilov V.N. *Kriptovalyuta kak obekt grazhdanskikh prav v zakonodatel'stve rossii i zarubezhnykh stran* [Cryptocurrency as an object of civil rights in the legislation of Russia and foreign countries]. *Vestnik jekonomiki prava i sociologii* [The review of economy, the law and sociology], 2019, no. 1, pp. 51-59. (in Russian)

5. Grishaev S.P. *Jevoljucija zakonodatel'stva ob obektah grazhdanskikh prav* [Evolution of legislation on objects of civil rights]. *ConsultantPlus Legal Reference System*. (in Russian)

6. Katasonov V.Ju. *Dengi* [Money]. Textbook. Moscow, MGIMO Publ., 2010, 226 p. (in Russian)

7. Lapach V.A. *Sistema obektov grazhdanskikh prav teorija i sudebnaja praktika* [The system of objects of civil rights: theory and judicial practice]. St. Petersburg, Jurid Center Press, 2002, 542 p. (in Russian)

8. Rajzberg B.A., Lozovsky L. Sh., Starodubtseva E. B. *Sovremennyy jekonomicheskij slovar* [Modern Economic Dictionary]. 6th ed. and add. Moscow, 2021, 512 p. (in Russian)

9. Sergeev A. P. *Grazhdanskoe pravo* [Civil law]. Textbook. Moscow, Prospekt Publ., 2010, 736 p. (in Russian)

10. Sitnik A.A. *Cifrovye valjuty centralnykh bankov* [Digital currencies of central banks]. *Vestnik MGJUA* [Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)], 2020, no. 9, pp. 180-186. (in Russian)

11. Smolyakov A.N. *Khishchenie beznalichnykh elektronnykh denezhnykh sredstv I tsifrovoy valyuty voprosy yuridicheskoy tekhniki i differentsiatsii otvetstvennosti* [Theft of non-cash, electronic money

¹ URL: <http://www.vsrfr.ru> (дата обращения: 09.06.2024).

and digital currency: issues of legal technique and differentiation of liability]. Cand. sci. diss. abstr. Yaroslavl, 2022, 21 p. (in Russian)

12. Auer R., Cornelli G., Frost J. *Rise of the central bank digital currencies: drivers, approaches and technologies*. BIS Working Papers, 2020. 44 p.

13. Meaning J., Dyson B., Barker J., Clayton E. Broadening narrow money: monetary policy with a central bank digital currency. *Bank of England – Working Paper*, 2018, no. 724.

Статья поступила в редакцию 22.02.2024; одобрена после рецензирования 26.03.2024; принята к публикации 04.09.2024.

Received on 22.02.2024; approved on 26.03.2024; accepted for publication on 04.09.2024.

Пархоменко Светлана Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (Россия, 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1), ORCID: 0000-0002-0370-3102, РИНЦ AuthorID: 404880, e-mail: psvet@mail.ru

Parkhomenko Svetlana Valerievna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (1, Shevtsov st., Irkutsk, 664035, Russian Federation), ORCID: 0000-0002-0370-3102, RSCI AuthorID: 404880, e-mail: psvet@mail.ru

Михайлов Иван Николаевич – аспирант, юридический факультет, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия, 119571, г. Москва, просп. Вернадского, 82), ORCID: 0009-0004-6555-1388, РИНЦ AuthorID: 1078875, e-mail: subaruwr98@gmail.com

Mikhailov Ivan Nikolaevich – Postgraduate, Faculty of Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadsky ave., Moscow, 119571, Russian Federation), ORCID: 0009-0004-6555-1388, RSCI AuthorID: 1078875, e-mail: subaruwr98@gmail.com

Вклад авторов

Пархоменко Светлана Валерьевна – утверждение концепции статьи, написание текста введения, основных результатов исследования, утверждение окончательного варианта статьи.

Михайлов Иван Николаевич – сбор и обработка теоретического и эмпирического материала, статистическая обработка данных, написание текста введения, основных результатов исследования, оформление окончательного варианта статьи.